

Три года назад издательство Всесоюзного театрального общества выпустило книгу «Разрозненные страницы», тираж которой разошелся очень быстро. Это были увлекательно написанные мемуары народной артистки РСФСР Рины Зеленой.

Известный мастер театра, эстрады и кино, Рина Зеленая продолжает работать над воспоминаниями. Сегодня мы предлагаем читателям «Вечерней Москвы» несколько страниц из ее будущей книги.

Рина ЗЕЛЕНАЯ

ДОМ, ГДЕ ЗАЖИГАЛИСЬ СЕРДЦА

1

Я хочу рассказать об известном ныне каждому москвичу ЦДРИ — Центральном Доме работников искусств. Но рассказать не о сегодняшнем его дне, а вернуться назад, к самому началу деятельности клуба мастеров искусств. Из подвала в Воротниковском переулке он только что переехал на Пушечную улицу.

Все немного растерялись — в новом здании слишком много было места. Потом привыкли.

Закипела такая общественная работа, что только держись! Я это хорошо помню, потому что была в первом составе правления ЦДРИ. Председателем его был народный артист СССР И. М. Москвин, заместителем — народная артистка СССР В. В. Барсова. У меня сохранился билет который нам выдали, — маленький, изящный, на обложке эмблема дома. Мой билет был под номером 112.

А тут еще прибыл из Ленинграда новый, очень энергичный директор — Борис Михайлович Филиппов, в начинаниях которого мы еле-еле поспевали участвовать, и штат, и общественность.

Все кабинеты жужжали, как ульи. Там репетировали, там ремонтировали, кричали художники, бурно кипели собрания, совещания. И только одного мероприятия мы все лишились: Филиппов запретил нам танцевать. Уж не знаю почему, но едва кто-либо садился за рояль, и все увлеченно, с восторгом пускались в пляс (ведь царил фокстрот!), он врвался, разгонял нас и захлопывал рояль. Сейчас поверить в это трудно. Как мы его за это ругали: так хотелось танцевать. Но потом отвыкли.

Вечерами в клубе два, три, четыре мероприятия происходили одновременно — меньше Филиппов не признавал. Там — диспут, тут — чтецы, там — «самодельность» народных артистов, выше — университет, ниже — встреча с приехавшим из-за моря писателем. Это сейчас все обычно и даже тривиально. Все думают, что всегда существовали

3

новой кости. Он играл с упоением — точный удар, сила и ловкость...

На этот раз дверь из бильярдной была открыта в большое фойе. Все ушли в зал, на концерт. Оттуда доносились аплодисменты и громкая музыка. В эту минуту после очередного удара суфлер поднял глаза и замер: мимо двери спокойно прошел... лев, за ним — другой. Не поверив видению, суфлер зажмурил глаза. Когда открыл их снова, мимо двери шли львы еще и еще. Тогда он положил кий на стол, заплакал и сказал Захару Ивановичу: «Плохо меня лечили. Опять мерещится».

А в зале в это время была встреча с цирком, и служители вели зверей в отведенные для них комнаты.

Работа клуба продолжала расти и находить новые формы. Создалась, например, традиция просмотров «для пап и мам» генеральных репетиций новых спектаклей театров. Филиппов убедил директоров театров, что это необходимо. И в самом деле, ведь вечерами актеры были заняты. Как же иначе увидеть премьеру, посмотреть друг друга в спектаклях, порадоваться успеху!

А потом начались связи с Подмосковьем. И все село Бронницы приезжало на автобусах на весь день в ЦДРИ. Для них устраивались лекции, концерты-встречи, шахматные турниры. Словом, все, что нужно людям для общения и отдыха.

Скоро в Москве директору стало тесно. Он отправлял нас в Ригу, Ленинград для большего взаимопонимания и связи искусств. А потом стал устраивать из ЦДРИ радиотрансляции концертов для полярников, точно так же, как сейчас телевидение делает это для космонавтов.

Когда папанинцы высадились во льдах Северного Ледовитого океана, отсюда, с Пушечной улицы, шли туда для них радиопередачи. И вот однажды зимовщики потребовали, чтобы концерты состоялись прямо на дрейфующей льдине.

2

творческие встречи «За круглым столом», выпуски «Устных журналов». Но ведь все это начал, придумал, привил вкус к клубной работе только один человек — БМФ, как мы звали Филиппова.

В бильярдной был свой отдельный мир. Здесь царил Захар Иванович — маркер, который знал всех, и все знали его. Тихий, спокойный, он среди бильярдных страстей и темпераментов никогда не повышал голоса. И так изо дня в день.

Бильярд был всегда в порядке. Захар Иванович следил за всем: полочки для шаров, свежие мелки для киев, резиночки подклеены на кончикниках. Сами кии стояли в стойках.

Кий Маяковского находился отдельно в шкафу, чтобы никто не схватил случайно. И потом никому его не давали.

В подвале, в этом бильярдном мире, были постоянные обитатели — актеры всех рангов. Среди них, например, И. Петров из Большого театра, М. Климов из Малого театра, А. Алексеев, А. Делан, А. Арнольд (мастер из мастеров), конференсье А. Менделевич, который утверждал на сцене, что из старых москвичей остались только Минин, Пожарский и он. Неизменно присутствовали критик В. Млечин, народный художник СССР А. Герасимов. Иногда, если повезет, можно было увидеть, как В. Маяковский играл с А. Луначарским или с поэтом И. Уткиным.

Много здесь происходило забавных и неожиданных историй. Я расскажу только одну — забавную и печальную. Мастер, с которым многие играли и ценили его как знатока, — знаменитый суфлер Малого театра — иногда вдруг пропадал надолго. Потом так же внезапно появлялся.

И вот он снова у бильярда, к радости своих партнеров. Все по-прежнему: прекрасный стол, яркий свет громадной лампы над зеленым сукном, шары сло-

4

И мы, конечно, полетели. БМФ не пожалел даже дать нам руководителем бригады своего зама — М. М. Шапиро, ныне заместитель директора ЦДЛ. В яркий весенний солнечный день наша группа, где была и В. Дулова с арфой, упакованной в меха, стояла около здания ЦДРИ, ожидая автобуса Севморпути, чтобы ехать на аэродром. Прохожие останавливались, разглядывая это странное сборище — в телогрейках, унтах. Одна тетка с возмущением громко сказала: «Что они, на полюс собрались, что ли?». А мы именно туда и собрались, и наш корабль «АНТ-25» уже ждал в аэропорту.

И так все шло, длилось и длилось многие годы. А потом вдруг БМФ похитили писатели как лучшего игрока в команде. И стал он «домовым» в ЦДЛ (читай «Записки домового» Б. М. Филиппова, выпущенные издательством «Искусство»). Но, разумеется, он командовал нами по-прежнему. А мы летели к нему на улицу Герцена по первому зову.

Из придуманных им в ЦДЛ мероприятий имеют успех и держатся до сих пор «Встречи друзей». Филиппов перенес их потом в ЦДРИ и постоянно ведет эту рубрику. Собирает верных ему писателей, музыкантов, артистов. Эти встречи для москвичей бывают необычайно интересными.

Памятный вечер — юбилей Бориса Михайловича в Доме литераторов. Писатели, актеры, музыканты дарили ему экспромты. Я пела под оркестр романс, ему посвященный. Как современная певица — с микрофоном, в невероятно голубом платье до полу, с невероятными оборками, в черных перчатках до плеч. Когда я готовилась к выходу, за кулисами музыкант спросил музыканта: «Слушай, что это за девчонка? Познакомь меня с ней». Признаться, из всех услышанных мною в тот вечер комплиментов этот был самый лестный.